

ЮРИЙ МАКАРОВ

РОВЕНЬСКИЕ ЗАЛЕПУХИ

НАСТОЯЩИЙ ПАСЕЧНИК

Никифор Петрович настоящий пасечник. Пасечник, можно сказать, с большой буквы. Прожил он уже семьдесят восемь лет, а бортничеством из них занимается уже все сорок пять. Кажется, о пчёлах он знает всё, а то и больше. Только зачеши, так он тебе такого о пчеле нарасказывает, да всё так интересно и ладно, что поневоле сам захочешь пасечником стать.

Вот сидит он у себя в садочке под июньским солнышком. Пчёлы носятся, как угорелые, а он подрёмывает на ослончике в соломенной шляпе, руки на колени положил, но одним глазом всё ж за процессом медоноса наблюдает.

— Бать, что ты тут сидишь?.. Жарковато, шёл бы отдохнул, — говорит ему сын Николай, с которым он доживает свой век.

— А мне не тяжело...

— Да всё равно пошёл бы, прилёг... А ты всё смотришь, смотришь — чего там смотреть?

— А вот смотрю, Николай, — лукаво улыбается одними глазами Никифор Петрович и тычет пальцем в улей, — видишь, во-о-он та пчела, гляжу — уже сто пятьдесят первый раз взяток в улей попёрла...

МАКАРОВ Юрий Иванович родился в 1953 году в селе Галушки Белгородской области. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор многих книг. Член Союза писателей России и Товарищества детских и юношеских писателей. Лауреат литературной премии "Прохоровское поле". Живёт в городе Ровеньки Белгородской области.

ЛЕБЕДИНЫЙ ТАНЕЦ

В школе выпускной вечер. После торжественной части традиционный праздничный ужин в школьной столовой, в котором принимают участие учителя, выпускники и их родители.

В разгар ужина родительское крыло, желая развлечь своих чад, наскоро приготовило номер художественной самодеятельности.

— Пётр Ильич Чайковский, — объявил ведущий. — “Танец маленьких лебедей”! Исполняет квартет родителей.

Баянист заиграл бессмертную мелодию из балета “Лебединое озеро”, и на площадке появились, взявшись крест-накрест за руки, в импровизированных пачках “маленькие лебеди”. Это были, все как один, рослые брюхастые мужчины. Они неуклюже топтали ногами и двигались по площадке то влево, то вправо.

— Ого, а лебеди-то, видать, подращенные, — прозвучал на всю столовую чей-то восхищённый бас.

МОЛОДОЙ

Деду Василию Ефремовичу семьдесят девять лет. Невестка Варя говорит ему:

— Тато, слышали, — дед Гаврюшка умер?

— Да ты что?.. Он же молодой!

— А сколько это ему лет?.. — глядя на отца, удивляется Варя.

— Да такой, как я...

ВООБРАЖАЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

На рынке, у лотков с рассадой, крутится девица из серии “всё на ней и всё при ней”. Наклоняется над лотками, рассматривает аккуратно упакованную в пластмассовые стаканчики рассадку помидоров, перца, баклажанов. Всё бы ничего, да одета девица уж больно легко. Блузочка короткая, пуп не закрывает, от юбочки одно подобие — только над рассадой в ней и наклоняться... Да уж...

За ней во все глаза наблюдает небритый мужчина, которому явно за шестьдесят. Одет он, скорее всего, в ту одежду, которую купил ещё при социализме. Поверх клетчатой рубашки накинута серая простецкий костюм, по которому полосочками течёт коричневая нитка, из того же материала брюки, заправленные в носки, а на ногах кеды, которых я не видел на людях около двадцати лет.

Девица, видимо, чувствует на себе пристальный взгляд мужчины, мельком поглядывает на него раз, два, а потом, не выдержав:

— Ну что ты на меня уставился, папаша?..

Мужчина, ни капли не смутившись:

— Заканчиваю тебя раздевать, дочка...

ТЫ РЫБАК, А Я РЫБАЧКА

Сеня Финожкин был настоящим рыбаком-любителем. Азарта рыбацкого в нём на десятерых бы хватило, а умения, да можно сказать, мастерства и того более. Обобенно ему хорошо удавалось ловить крупных голавлей. Да и другая рыба к нему на крючок прямо-таки сама шла. Бывало, сидит рядом с другими рыбаками — ни у кого не клюёт, а у него раз за разом, только успевают рыбёх-дурёх на кукан нанизывать. Мужики о нём так говорили: “Сенька лишь бы воду увидел, хоть в тазу, а уж рыбу он оттуда вытащит”.

Жил он со своей женой Витой и трёхлетней дочкой Леночкой в общезжитии. Рыбалку ставил превыше всех дел.

Утром, до работы — он на речке. В обед — поел, не поел — опять на речке. А уж после работы — до самой ночи рыбалка. И так с весны и до самой середины лета. И тут вдруг сильно задождило. Не вырваться на речку, хоть она и под боком.

Остался вечером дома, осмотрелся: ни Виты, ни Леночки, да и вещей их дома нет. Как? Куда подевались? Поехал он в Айдар, к теще — нет там семьи. Поехал на родину, в Белокуракино — и там нет. У Сени в мозгу коротить стало, ума приложить не может, куда семья подевалась. А Коля Жареный, сосед по этажу в общежитии, его и просветил:

— Ты Витку с дитём ищешь? Так она ж на Полевой уже с месяц как с Толиком Накидным живёт! Там Накидного твоя дочка, небось, уже и папкой зовёт...

Как Сеня уладил вопрос с женою — никому неизвестно, но домой она вернулась. А удочки свои, стереоскопические, на глазах у всего двора Сеня об колено ломал.

Мужики, склонные к рыбалке, просили:

— Сеня, не ломай, нам продай, мы тебе за них по пятнадцать рублей дадим...

— Не-е, мужики, — зловеще сверкал глазами Сеня. — Что вы, не видите, до какого блудодства эта рыбалка доводит? Не бывать вам такими рыбаками, как я!..

КАК ВСЕ

Маринке двадцать один год. Она разговаривает со своей бабушкой Полей. Бабушка привычно затевает разговор о будущем замужестве внучки. Разговор этот не первый, и Маринка сразу переводит его на шутивную волну.

— Да, бабуль, — улыбается она, — молодёжь сейчас ретивая, так и поджимает, так и поджимает... Вон уже и семнадцатилетние замуж выскакивают. Так недолго и в девках засидеться.

Бабушка Поля, однако, воспринимает эти слова серьёзно:

— Да то и запросто, — говорит она. А потом как-то вкрадчиво: — Внучечка, а как же ты собираешься замуж-то выходить, за кошелёк или по любви?

В ответ Маринка звонко смеётся:

— По глупости!

КАК СКАЗАНО — ТАК И СДЕЛАНО

У здания Сбербанка, давая дорогу прохожим, на тротуаре разговаривают две женщины. Одна пожилая, по одежде видно, что приехала из какого-то села. Вторая молодая, одета более современно, видно, что не первый год живёт в райцентре. Я оказываюсь их невольным слушателем, из их разговора понимаю, что они односельчанки, и слышу, как пожилая говорит:

— А баба Маня сказала: “Девчатам так и передай — бессовестные они. Не звонят, не приезжают...” Так я вот тебе так и передаю — бессовестные вы...

— Ой, да какое ж ей спасибо! — прямо поёт молодая, — Дай ей Бог здоровья! Нехай не болеет!

РАЗБЕРЁМСЯ

От станции Солидарная, теперь это уже в Украине, до разъезда, который в народе почему-то называли Африка, ходила электричка, которую, опять же по-народному, называли “муха”.

В Солидарную из так называемой Африки приехала бабка по кличке Коза. Козой её прозвали за то, что при ходьбе она как-то странно вскидывала

правую ногу вверх. На станцию бабка приехала, чтоб продать кое-какие овощи проезжающим пассажирам. В своей выручке она не досчиталась одного рубля и тридцати двух копеек, решила, что её обокрали, и направилась в отделение милиции. С такими заявлениями она обращалась туда не впервой и была для тамошних сыщиков, как кость в горле.

В окне дежурки торчала голова милиционера. В отделении он был новеньким. Недавно переехал в Солидарную из Валук.

— Сынок, опять меня обокрали, — запричитала бабка. — Рубель и тридцать две копейки уперли. Ты уж найди того подлеца, он полдня около меня ошивался...

— Так, бабушка, не волнуйтесь. Сейчас запишем, кто вы такая, откуда, потом вы напишете заявление о пропаже. Думаю, всё будет в порядке. Итак, фамилия, имя, отчество ваше?

— Так меня тут уже записывали... Акулина я... Акулина Филипповна Бузько...

— Ага, хорошо. Откуда вы?

— Да с Африки...

— А приехали на чём?..

— На “мухе”... Наши на ней все ездят.

Дежурный снял картуз, поерошил свой короткий чуб:

— Так, бабушка, давайте сначала... Откуда вы будете?

— Да что ты такой непонимучий? Тут все знают, что с Африки я...

— А приехали, говорите, на чём?

— Да на “мухе”... Я ж говорила: наши все на ней ездят...

— Одну минутку, бабушка, — говорит дежурный и идёт к коллеге. — Товарищ лейтенант. Там бабуся какая-то чудная... Говорит, обокрали её...

— Да это ж Коза на “мухе” из Африки прилетела! — смеётся лейтенант.

— Да-да, на “мухе”, — ничего не понимает новенький.

— Не волнуйся, парень, всё правильно, — объясняет лейтенант новенькому положение вещей и добавляет: — Пойдём, сейчас мы с этой Козой разберёмся.

СИМВОЛЫ

Лысая гора у нас в Ровеньках, как смотровая площадка. Оттуда весь посёлок как на ладони видно. Туда приезжают отдыхающие, непременно заворачивают свадебные кортежи. Вид с горы открывается удивительный. Особенно хорошо смотрится центр посёлка в летнюю пору, когда он утопает в зелени и цветах. Больше всего глаз радует, конечно же, наш Свято-Троицкий храм оригинальной архитектуры.

По решению властей на Лысой горе соорудили макет ветряной мельницы. Лопасты ветряка решили украсить иллюминацией из лампочек. В инженерный отдел Ровеньских электросетей звонит чиновник из администрации посёлка:

— Нужно сделать так, — говорит он одному из инженеров-электриков, — чтоб эта мельница была видна по ночам отовсюду, как маяк...

Для энергетиков это лишний объект и дополнительные заботы.

— А может, пусть она так, без освещения стоит?

— Ну, как вы не понимаете? Если хотите знать, в Швеции мельница — это символ благополучия...

— Задолбали этими символами, проектами, — слышит он в трубке голос инженера. — Лучше б это благополучие натурально попытались для людей сделать...

— Что?! — свирепо недоумевает чиновник. Но на другом конце провода трубку уже положили.

Благополучие у ровенчан у всех разное, а лампочки на ветряке, одноко, горят.

НЕ ВЫДЕРЖИТ

С Анатолием Михайловичем мы знакомы ещё с тех времён, когда вместе работали в процветающем колхозе “Родина”. Сейчас он пенсионер, приторговывает на рынке, и каждое утро, когда я иду на работу, мы перебираемся с ним новостями, справляемся о делах, здоровье друг друга.

Рядом с ним каждое утро раскладывает свой товар добродушный пожилой армянин, который всю жизнь прожил в Ровеньках с местной женщиной. Они выращивают и продают разные овощи.

В этот раз Анатолий Михайлович, когда я спросил, почему его давненько не было видно, говорит:

— Да я ж в офтальмологическом центре был. Операцию мне на глаза сделали. Хрусталик искусственный вставили.

— О, серьёзное дело, — говорю я. — Ну, и как оно, помогло?

— У-у-у!.. Да теперь опять можно на молодых девчат поглядывать.

Тут сосед-армянин, неся мимо нас ящик с помидорами, улыбаясь и покачивая головой, говорит:

— Э, сматри, а то от этого и искусственный хрусталь не выдержит!

КУЛЬТИВАТОР НА БЮЛЛЕТЕНЕ

Многие мужики в селе кустарным способом намастерили примитивных ручных культиваторов. Этим нехитрым приспособлением с колесом и лапкой можно часа за два взрыхлить не малую площадь, а то и весь огород.

Такой огородный инвентарь имеется и у Витюхи Курносова, но на огород он принципиально не ходит. Огородом в их семье занимается исключительно его жена Соня — женщина гренадёрского роста, ладная и здоровая на вид. Она и агрегат самодельный освоила быстро.

Петро Егорович однажды спрашивает Витюху:

— Сосед, а где ж твой культиватор?

— В Валуйках, — серьёзно отвечает Витюха, — в больнице лежит...

“ИСПАНСКАЯ” КОЛБАСА

Примерно в середине восьмидесятых годов прошлого века поехали наши ровенчане в составе большой областной делегации в Испанию. В основном это были председатели колхозов и первичных партийных организаций — парторги, представители советской торговли.

— Приехали мы в Мадрид, — рассказывал после председатель одного ровенского колхоза Валерий Алексеевич. — Разместили нас в гостинице. Туда-сюда — надо покушать. Пошли мы с моим товарищем, с которым в одной комнате нас разместили, прогулялись по Мадриду, купили здоровенный помидор и батон хлеба. А колбаса и всё такое остальное у нас в номере было своё. Каталог колбасы я привёз за границу своей — ровеньской. Тогда в Ровеньках колбасный цех был, и руководил ним Виктор Иванович Семенихин. Колбасу, надо сказать, делали там отменную — вкусная была колбаса. Помню, хоть ветчинно-рубленой их колбасы возьмёшь, хоть сарделек — вкуснота неимоверная. Ну что ж, тогда все продукты питания производились ещё по советскому ГОСТу, и никаких там “Е-2, Е-4” в виде химических консервантов туда не пихали. Но мне особенно нравилась наша копчёная, вот я её с собой и прихватил. Собрались трапезничать — кинулись, а колбаса моя немножко плесенью покрылась. Товарищ говорит:

“Да хренова это всё! — достаёт чекушку подсолнечного масла из своего баула, кусок бинта оторвал, маслом колбасу протёр, — блеснит, как новенькая! — отрезает, сам жуёт и мне говорит: — Бери, закусывай, я в торговле двадцать третий год работаю — гарантию даю, ничего не будет!”

Тут к нам в номер заходит областной начальник моего напарника:

— Ну что, мужики..

— Да вот, решили перекусить, — и наливаем гостю. — Еды испанской купили: хлеб, помидор, колбаса ихняя...

Хватнул тот начальник полстакана, дольку помидора в рот кинул, потом кусок колбасы граммов на двести отхватил ножом и закусывает. Жевал, жевал колбасу, да и говорит моему товарищу-торгашу, под началом которого, как оказалось, Ровеньской колбасный цех был:

— Вот что, Иван Захарович, передай своему Семенихину, пусть приедет к испанцам да поучится у них, как настоящую колбасу делать. А то он там у себя, в Ровеньках, как сварганит — ну, это ж просто жрать невозможно. А здесь люди для людей продукт делают. — Поднял он палец и ушёл.

ХЛЕБ-СОЛЬ ПО-РОВЕНЬСКИ

Поставили на въезде в наш посёлок скульптурную композицию местного скульптора — мужчина и женщина в национальных костюмах, рядом с ними бричка. Мужчина с гармонью, а женщина держит на полотенце хлеб-соль. Весь этот ансамбль огорожен деревенским плетнём. Ясно, что задумка скульптора и заказчиков была хорошая — показать гостеприимство моих земляков, чего им действительно не занимать. Да вот при установке скульптурного ансамбля вышло несколько проколов. И расположили его ниже дорожного полотна, прямо в кювете, так, что целиком фигуры можно увидеть, только приблизившись к ним вплотную, а с дороги они видны только наполовину. При ближайшем же рассмотрении этой композиции из фигур людей, брички и плетня наблюдательному человеку сразу бросается в глаза то, что хлеб-соль женщина предлагает въезжающим через плетень, а не как положено, стоя у ворот подворья, потому что ворота, по воле устанавливающих скульптуры, почему-то оказались у них за спиной.

Спрашиваю у одного причастного к этому делу чиновника из администрации городского поселения “Посёлок Ровеньки”, так официально нарекли мои Ровеньки, лучше не скажешь, какие-то чинуши:

— Скажите, пожалуйста, а что это за нескладуха? Вроде у нас, в Ровеньках, не принято из-за плетня хлеб-соль преподносить?

— А они его и не преподносят, — ничтоже сумняшеся, эмоционально отвечает чиновник, — они его по-ка-зы-ва-ют!

ИЗ КЛЕТКИ

Ольга вышла замуж за Алима и уехала с ним в одну из кавказских республик. В Ровеньках её не видели года три, а когда объявилась — все так и ахнули. Уезжала с Алимом пышная красавица-хохлушка, а вернулась — страшно глянуть — кожа да кости! Говорили, еле она оттуда сбежала. При первой же встрече на неё напустились подружки. Алла говорит:

— Оля, что ж там с тобой делали?.. Ты глянь на себя в зеркало — на кого ты стала похожа?..

— Ой, девочки, — всхлипывает Ольга, — всё там не своё... Всё плохо... Особенно пока к языку ихнему привыкла... А от родни Алимовой натерпелась, не приведи Господь никому!... Но зато Алим... Он меня на руках носил, — вытирает слёзы и закатывая глаза, с придыханием продолжает Ольга, — жила у него, как птица в золотой клетке...

— Ну, насчёт золота мы не знаем, — иронически улыбаясь, низким голосом прерывает её Людмила, — а вот что ты в клетке жила — невооружённым глазом видно...